
УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

А 19

М.В. Аверьянов,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, тел. 8 928 462 07 97

Коррупция как фактор кризиса социокультурной ментальности молодёжи

(Рецензирована)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию явления коррупции как фактора кризиса социокультурной ментальности молодёжи, определению механизмов минимизации её деструктивного воздействия, проблематике социологических исследований в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, ментальность, социальные отношения, социальный порядок, социокультурный риск.

M.V. Averyanov,

Applicant for the Candidate degree of Philosophy and Sociology Department, the Adyge State University, ph. 8 928 462 07 97

Corruption as the crisis factor of sociocultural mentality of youth

Abstract. This paper addresses the phenomenon of corruption as a crisis factor of sociocultural mentality of youth. The author defines the mechanisms of minimization of its destructive impact and examines the problematics of sociological researches in sphere of counteraction against corruption.

Keywords: corruption, mentality, social relations, a social order, sociocultural risk.

В качестве наиболее значимого, в контексте долгосрочности и масштабности оказываемого деструктивного воздействия, предмета нашего исследования мы выделяем явление коррупции, продуцирующее комплекс социальных рисков, минимизирующих результаты осуществляемых в стране преобразований и детерминирующих негативные социальные процессы. Особую актуальность проблематика исследования рассматриваемого социокультурного риска приобретает в связи с широким распространением коррупционных форм поведения практически во всей системе стратификации общества, легитимизацией деструктивных норм в общественном сознании, отсутствием действенных механизмов, препятствующих девальвации ценностей молодёжи, непривлекательностью, в аспек-

те прагматичности и рациональности, альтернативных форм взаимодействия актора с обществом.

Вышеназванные факторы привели к возникновению моральных проблем, ценностного вакуума, соответствующих «аномических адаптаций», создающих дополнительную почву для ещё большего роста преступности, социального эскапизма, маргинальности и проблем безопасности, приобретающих глобальный характер [1].

Рассматривая причинно-следственные связи между происходящими кризисными процессами и существующими рисками, включающими коррупцию, считаем возможным констатировать их каузальный характер. Взаимообусловленность последних подтверждается дихотомией их детерминационных основ, где кризисные явления

продуцируют риски, а риски, в свою очередь, кризисные явления. Генезис этого взаимодействия приводит к объединению кризисных и рискованных явлений и процессов в единую совокупность социальных проблем, устойчивых кризисных ценностно-нормативных конгломератов, продолжающих дестабилизировать процессы поступательного развития, ослабляющих гражданское общество, вызывающих деградацию ментального пространства молодежи, последующий коллапс её социализации и воспроизводства правовой системы общества.

Теоретическим фундаментом исследования социокультурных рисков являются научные выводы, сделанные М. Вебером в рамках «понимающей социологии», заложившие основы понимания механизмов порождения рисков социальными действиями в конкретных социокультурных условиях.

Приступая к анализу гетерогенности существующих объективаций, опосредованных коррупцией, считаем необходимым, в первую очередь, исследовать социальный и культурный контексты опасностей и сопутствующих рисков, включая определение того, что подвержено риску. Дополнительной конкретизации требуют такие аспекты формирования ментальности как аксиологические подходы, преобладающие в индивидуальном сознании акторов, нормативные предпочтения, систематически реализуемые в повседневных практиках.

Считаем целесообразным, в рамках проводимой операционализации, использовать следующие термины: субъекты коррупционных интеракций, интересы и степень вовлеченности субъектов, формальный и неформальный статус субъектов, ресурсный и иные потенциалы субъектов, характер взаимодействия субъектов, профиль рискованной ситуации или коммуникации, личностный, социально-общностный уровень рискованной ситуации, согласованная оптимизация ситуации и др. Предложенные категории, на наш взгляд, позволяют дать комплексную оценку риску коррупции и подтвердить истин-

ность теоретических выводов в результате их эмпирической проверки.

В то же время, в контексте рассмотрения явления коррупции как социокультурного риска, трансформирующего ментальность молодежи, следует диагностировать вероятность и масштабы последствий протекающих процессов.

Для объективной оценки ситуации важно учитывать научные выводы, полученные в рамках исследований социологии риска такими учеными, как У. Бек, А. Вильдавски, Э. Гидденс, М. Дуглас, Н. Луман, Ю. Роза, К. Феофанов, О. Яницкий и др.

Интерпретируя теоретические заключения авторов, возможно говорить о том, что российское общество постепенно трансформируется в общество всеобщего риска. Так, оценивая состояние коррупции, мы можем говорить о наличии экстерриториального характера данного риска, его устойчивом воспроизводстве вне зависимости от оказываемых мер противодействия, широком социальном распространении, поливариативности форм проявлений и сфер деятельности, взаимодействия, хабиутализации деструктивных норм. Таким образом, диагностируя ситуацию, следует определить степень социально-приемлемого риска, то есть такое состояние рискогенности социума, при котором сохраняется ценностный иммунитет в форме сдерживающих механизмов осознанных интенций как отдельных акторов, так и социальных общностей в целом, и не позволяющий катализировать необратимые процессы деградации общества.

Выбор ответной реакции зависит от альтернатив, ценностей и убеждений, которые конкурируют в обществе. Восприятие ценностей есть неотъемлемая составляющая проблемы приемлемого риска.

Подтверждая выводы Т. Парсонса о ключевой роли культурных факторов в поддержании социального порядка и в процессе социального изменения, М. Дуглас в разрабатываемой культурологической теории риска отмечает первостепенное значение ценностей

при определении поведенческих норм. «...культурологический анализ показывает, как некоторая группа ценностей и убеждений придает смысл занимаемым людьми позициям и используемым ими практикам» [2].

Учитывая отмеченную Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном в теории аномии такую специфику транзитивного общества, как кризис ценностей, для глубокого понимания механизмов выбора молодёжью линий поведения в условиях поливариативности ценностей и норм, продуцирующих массовую дезадаптацию в социальном пространстве, считаем целесообразным в ходе проводимого анализа использовать научные выводы концепции «когнитивного диссонанса». Данная концепция разработана в рамках научного поиска социальной психологии такими учёными, как Т. Ньюк, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, Л. Фестингер, Ф. Хайдер, и направлена на объяснение влияния на человеческое поведение системы когнитивных элементов, включая формирование под их воздействием мотиваций социальных действий.

Таким образом, мы можем говорить о наличии каузальных связей между поливариативностью культурных значений постиндустриального общества и диффузностью нормативной сферы сознания молодого индивида, руководствующегося соображениями одномоментного интереса.

Ещё до эпохи постмодерна, исследуя социокультурные процессы в динамично развивающихся обществах, Г. Зиммель отмечал, что рост материального производства влечёт за собой громадную внутреннюю опасность всех высокоразвитых культур [3].

В современном российском обществе нет согласия (консенсуса) относительно базовых ценностей и целей, как нет и согласованного проекта будущего — национальной идеи. Есть несколько конкурирующих политических и множество неполитических моделей выживания — повседневных практик.

В повседневных практиках большинства групп населения преобладает потребительский и (пере)распределительный

обертон. Трудовая этика населения в основном утрачена: блага приносят связи, знакомства, удача, но не повседневный труд. Созидание как основополагающая форма социального действия и, следовательно, как социологическая категория теряет смысл [4].

Склонность оценивать культуру с позиции собственной выгоды, определение моральной ценности поведения или поступка в призме его полезности, практической значимости, извлечения материальной пользы, отход от гуманистических идеалов и предпочтение гедонистических устремлений в качестве критерия человеческого поведения стали императивом молодёжной среды современной России.

В обществе риска утилитаризм является основой социального порядка и поддерживающих его институций. В этих условиях экономическая среда становится максимально неопределённой для социальных акторов, потому что нет ни доверия этим институтам, ни перспективы. Долгосрочные отношения сменяются краткосрочными взаимодействиями между друзьями и другими малыми сообществами лично знакомых людей [4]. На наш взгляд, изменение характера осуществляемых в повседневной жизни интеракций, смена вектора культурных значений индивида, изложенная ранее, лежат в основе предпочтений выбора коррупционной модели поведения.

При этом необходимо отметить, что гуманистические ценности, выработанные человечеством, объективно сохраняют за собой роль фактора, обеспечивающего баланс интересов и тем самым безопасность существования и дальнейшего развития социума. В условиях нормативно-ценностной амбивалентности общества риска базовой потребностью становится безопасность.

Рассматривая явление коррупции в качестве социокультурного риска, необходимо отметить свойственную ему неопределённость последствий. На наш взгляд, в аспекте безопасности актор, принимающий решение относительно избираемой модели поведения,

будет испытывать определённую двойственность, сопряжённую с ментальным соотношением способа получения желаемого результата и возможными побочными деструктивными последствиями, которые позднее создадут нежелательные условия и усугубят проблемное поле достижения целей.

У. Бек, исследуя общество риска, писал: «Немыслимая и всевозрастающая взаимозависимость повседневных решений и глобальных последствий есть ключевой пункт новой повестки дня»[5].

В то же время сознание молодых людей, формируемое в условиях адаптации к жизни в условиях нестабильности, каждодневной борьбы за выживание, объективно допускает чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска. При этом, чем выше рискогенность среды непосредственного обитания, чем больше сил нужно положить на удовлетворение собственных потребностей и достижение целей, тем более возрастает индивидуальная потребность в безопасности общества, предсказуемости происходящих в нём процессов.

Таким образом, определение порога допустимости, «точки невозврата» при принятии решений будут способствовать нашему пониманию степени вовлечённости субъекта в рисковую ситуацию, её индивидуальный уровень и возможности оптимизации.

Значимость этого понимания позволяет сфокусировать научный поиск на определении путей и способов формирования внутренних убеждений индивида относительно выбора культурных значений. Решая задачи снижения риска, целесообразно и необходимо научиться продуцировать воспроизводство специфических норм поведения, которые могут быть использованы для мотивирования индивидов к свободному участию в процессах самоорганизации в рискогенных ситуациях, тем самым позитивно воздействующих на ментальность молодёжи.

Известно, что общество эпохи постмодерна сохраняет образовавшуюся ранее имущественную дифференциацию,

определяющую наличие различных социальных принципов. «Разные социальные принципы, которые руководят человеческим поведением, влияют на суждения о том, каких опасностей следует бояться больше всего, какие риски стоят того, чтобы на них пойти, и кому следует разрешить пойти на них»[2].

Одной из приоритетных задач по минимизации риска коррупции, на наш взгляд, является сокращение социального поля, или числа субъектов, вовлечённых в коррупционные интеракции. Атрибуция ответственности за более опасные социокультурные последствия является оправданной стратегией для защиты набора ценностей, принадлежащего определённому образу жизни. При этом на каждом социальном уровне, вне зависимости от положения индивида в системе стратификации, ценности, подлежащие защите, объективно существуют.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что выбор рисков, вызывающих наибольшую обеспокоенность населения, в зависимости от предпочитаемых социальных форм жизни и выбора нормативного поведения, неразрывно связаны друг другом.

Однако трансформация общества подразумевает постоянное определение и переопределение основных социальных институтов и категорий, смену осей социальной системы координат. Как следствие, построение нового типа социальной организации обязано опираться на позиционирование риска коррупции как основной угрозы безопасности ценностям, присущим всем социальным группам и общностям современной России. Действуя сегодня, чтобы предотвратить будущие опасности, создаваемая социальная система должна быть нацелена на диалог о том, как лучше организовать социальные отношения в целях предотвращения риска коррупции.

Оценивая рискогенность социума, Э. Гидденс отмечал, что «в современных обществах возникает признание существования риска широкой общественностью»[6]. Отметим, что в России борьба с коррупцией в последние

годы становится ключевым звеном политических программ различных партий и общественных объединений, участвующих в политическом процессе. В данном случае речь не идёт о политически конъюнктурном алармизме, а об адекватном соответствии потребностям общества в построении справедливой социальной системы и обеспечения её долгосрочной безопасности. Исходя из оценки складывающейся ситуации, считаем возможным сделать предположение об объективно существующей у населения интенции на отторжение коррупционных норм поведения, индивидуальный отказ от выбора деструктивных моделей в повседневных практиках, а также о наличии растущего потенциала, обусловленного позитивными ценностями, к активным действиям по борьбе с коррупцией в масштабе всего общества.

Верификация данных выводов будет способствовать расширению знаний об обществе риска, что, в свою очередь, позволит определить внутренние ресурсы, способные обеспечить социальный порядок без мер принуждения со стороны государства, несмотря на сформировавшуюся в последние два десятилетия «всеобъемлющую плотную социальную материю, коррупционно-теневую среду, которую нельзя быстро изменить никакими законодательными и репрессивными мерами...» [7].

У. Бек полагает, что сочетание принципов теоретизирования и верификации в научном знании об обществе риска обеспечит создание легитимного института знаний, уполномоченного принимать решения, поскольку «раскрывает истинные цели и средства, угрозы и последствия происходящего» [8]. Интерпретируя выводы учёного о том, что объём риска является показателем качества социальных отношений и процессов, и степень риска зависит от экспертов и экспертного знания [9], считаем возможным утверждать, что установленный эмпирическим путём объём риска коррупции является индикатором «здоровья» социальной системы.

Реабилитация ментальности молодёжи может происходить в единстве

повышения ответственности индивида за результаты решений и деятельности, а также роста его доверия к социальной системе.

Считаем важным отметить что рассматривая рискогенные действия в контексте коррупционных моделей поведения, воздействие данного риска на ментальность молодёжи в настоящее время, мы одновременно конструируем построение нового социального порядка, исключая фактор неопределённости в сфере социальных отношений.

Н. Луман помещает случайность рискогенных действий на шкалу «настоящее — будущее». «С точки зрения настоящего будущее неопределенно, в то время, как уже теперь точно известно, будущее настоящего будет определено с точки зрения его желательности или нежелательности. Только теперь еще нельзя сказать как именно. С другой стороны, то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем. Ибо о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба» [10].

На основании проведённого нами анализа считаем возможным предложить следующие выводы:

— определение порога допустимости риска в сознании индивида может происходить в результате внутренней регуляции, основанной на ценностном иммунитете;

— уровень рискогенности социальной среды определяет степень затраченных усилий на достижение определенных целей, катализирует индивидуальную потребность в безопасности общества, предсказуемости происходящих в нём процессов;

— переориентация ментальности молодёжи обуславливается наличием двух обязательных условий: — повышением ответственности индивида за конструктивность принимаемых решений и результаты их практической реализации, а также ростом доверия к принципам функционирования социальной системы.

Примечания:

1. Феофанов К.А. Социальные риски в современной социологии. М., 2001, С. 19.
2. Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992. P. 6-9.
3. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 490.
4. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII, №1. С. 3-35.
5. Там же. С. 16, 20.
6. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 58.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 129.
8. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 107-108.
9. Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey: Humanities Press, 1995. P. 15.
10. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: Sage Publications, 1992. P. 23.
11. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1991. P. 25.

References:

1. Feofanov K.A. Social risks in modern sociology. M., 2001, P. 19.
2. Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992. P. 6-9.
3. Zimmel G. The conflict of modern culture // Zimmel G. Selected works: in 2 v. V. 1. M., 1996. P. 490.
4. Yanitsky O.N. Sociology of risk: key ideas // The World of Russia. 2003. V. XII, №1. P. 3-35.
5. Ibidem. P. 16, 20.
6. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 58.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 129.
8. Klyamkin I.M., Timofeev L.M. Shadow Russia: economical and sociological research. M.: Russian State Humanit. University, 2000. P. 107-108.
9. Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey: Humanities Press, 1995. P. 15.
10. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: Sage Publications, 1992. P. 23.
11. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1991. P. 25.